

не совсем уместно обновлять *аромат духов* или пользоваться несколькими косметическими средствами с ярко выраженным *запахом*.

Таким образом, материал названных выше источников и наши наблюдения за другими источниками (в частности, за рекламными журналами сетевых магазинов «Л'Этуаль») показали, что лексема с максимальным набором ольфакторных смыслов «запах» значительно уступает в употреблении её лексико-семантическому корреляту «аромат». Это, на наш взгляд, во многом объясняется возможностями лексемы «запах» называть и явления с негативными ольфакторными характеристиками, что не может быть фактом рекламы в силу особенностей данной коммуникации. В лексеме же «аромат» доминирующим смыслом является «приятный», что делает её значительней для рекламного позиционирования парфюмерно-косметических товаров.

Список литературы

1. Еллинек Й. С. Планета духов в созвездии ароматов / Й. С. Еллинек // Ароматы и запахи в культуре / сост. О. Б. Вайнштейн. – Москва : Новое литературное обозрение, 2003. – Кн. 2. – С. 367–387.
2. Жирицкая Е. Ветер с Востока / Е. Жирицкая // Ароматы и запахи в культуре / сост. О. Б. Вайнштейн. – Москва : Новое литературное обозрение, 2003. – Кн. 2. – С. 482–502.
3. Жирицкая Е. Тело духов / Е. Жирицкая // Ароматы и запахи в культуре / сост. О. Б. Вайнштейн. – Москва : Новое литературное обозрение, 2003. – Кн. 2. – С. 342–351.
4. Классен К. Аромат / К. Классен, Д. Хоувз, А. Синнотт // Ароматы и запахи в культуре / сост. О. Б. Вайнштейн. – Москва : Новое книжное обозрение, 2003. – Кн. 2. – С. 388–463.
5. Lehrer A. Wine and Conversation / A. Lehrer. – 2nd ed. – Oxford University Press, 2009. – P. 215–220.

References

1. Ellinek J. S. Planeta duhov v sozvezdii aromatov // Aromaty i zapahi v kul'ture. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, 2003, vol. 2, pp. 367–387.
2. Zhirickaja E. Veter s Vostoka // Aromaty i zapahi v kul'ture. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, 2003, vol. 2, pp. 482–502.
3. Zhirickaja E. Telo duhov // Aromaty i zapahi v kul'ture. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, 2003, vol. 2, pp. 342–351.
4. Klassen K., Houvz D., Sinnott A. Aromat // Aromaty i zapahi v kul'ture. Moscow, Novoe knizhnoe obozrenie, 2003, vol. 2, pp. 388–463.
5. Lehrer A. Wine and Conversation. 2nd ed. Oxford University Press, 2009, pp. 215–220.

МИКРОПОЛЕ ГЛАГОЛОВ ФАКТИВНОГО ЗНАНИЯ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Голованева Марина Анатольевна, кандидат филологических наук, Астраханский государственный университет, 410056, Россия, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а.

Ивашкович Татьяна Ивановна, кандидат филологических наук, Астраханский государственный университет, 410056, Россия, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а, e-mail: danila30rus@mail.ru.

Бычков Дмитрий Михайлович, кандидат филологических наук, Астраханский государственный университет, 410056, Россия, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а, e-mail: dmitriybychkov@list.ru.

В статье рассматриваются особенности структурирования и функционирования полевой модели в лексико-семантической системе русского языка на примере лекси-

ческих средств выражения фактивного знания как фрагмента лексико-синтаксического поля «Знание. Компетентность».

Ключевые слова: семантика, теория поля, полевые структуры, микрополя, дистрибутивно-семантический класс

MICROFIELD OF VERBS OF A FACT KNOWLEDGE IN THE MODERN RUSSIAN LANGUAGE

Golovaneva Marina A., Candidate of Philological Sciences, Astrakhan State University, 414056, Russia, Astrakhan, 20a Tatishchev st.

Ivashkovich Tatiana I., Candidate of Philological Sciences, Astrakhan State University, 414056, Russia, Astrakhan, 20a Tatishchev st., e-mail: danila30rus@mail.ru.

Bychkov Dmitry M., Candidate of Philological Sciences, Astrakhan State University, 414056, Russia, Astrakhan, 20a Tatishchev st., e-mail: dmitriybychkov@list.ru.

The peculiarities of the structure and the functioning of the field model in the lexical and semantic system of the Russian language as an example of lexical idioms of the fact knowledge as a piece of the lexical and syntactic field "Knowledge . Competence".

Keywords: semantics, field theory, field structure, microfields, distributive and semantic class

В последние годы лексикология достигла выдающихся результатов в описании системности лексики и структурно-семантической организации различных лексических множеств (Л.М. Васильев, Э.В. Кузнецова, З.Д. Попова, Д.Н. Шмелёв, Ю.Н. Караулов и др.). Особенно активно развивается и применяется в лингвистике полевая модель. Это важно и необходимо, поскольку именно семантическое поле является, как справедливо отмечал профессор Ю.Н. Караулов, основным содержательным элементом языковой картины мира.

Стало общепризнанным, что лексика русского языка организована в особую систему, элементарной ячейкой которой является определённый семантический класс, а категорией высшего порядка является семантическое поле – «иерархическая структура множества лексических единиц, объединённых инвариантным значением, принадлежащим одному смысловому пространству» [1, с. 176].

Полевая модель в лингвистике имеет различные интерпретации. В «Лингвистическом энциклопедическом словаре» представлено такое определение: «Поле – совокупность языковых единиц, объединённых общностью содержания и отражающих понятийное, предметное или функциональное сходство обозначаемых явлений».

Профессор А.С. Слесарева понимает поле как «более высокий уровень лексико-семантических связей парагматического характера, объединяющий слова разных частей речи, которые находятся между собой в непосредственной семантической связи» [12, с. 50].

Э.В. Кузнецова утверждает, что «семантическое поле характеризуется следующими свойствами: связью слов, системным характером этих связей, взаимозависимостью и взаимоопределённостью лексических единиц, взаимосвязью семантических полей в пределах одного семантического пространства» [8, с. 381].

С применением соответствующих методик строятся функционально-семантические, ассоциативные, лексико-синтаксические и другие поля. Ю.Н. Караулов, В.В. Морковкин, Л.Г. Бабенко структурируют лексико-семантические поля, учитывая только парагматические отношения исследуемых единиц, не учитывая их синтагматику, не используют в своих работах метод дистрибутивного анализа, с помощью которого можно выявить синтагматический потенциал исследуемой лексики.

В науке существует и другой подход к построению семантического поля, который учитывает как парагматику, так и синтагматику конститuentов поля. Такой подход характерен для исследований учёных Московской семантической школы под

руководством профессора Ю.Д. Апресяна, в этом же направлении работали В.П. Абрамов, М.Л. Крючкова, Ю.В. Фоменко, З.Д. Попова, В.П. Москвин и другие. Такой подход к структурированию лексико-синтаксических полей представляется нам наиболее адекватным.

Как известно, любое лексико-синтаксическое поле имеет определённую конфигурацию и делится на микрополя. Анализируемое нами микрополе глаголов фактивного знания является структурным элементом большого лексико-синтаксического поля «Знание. Компетентность», которое, в свою очередь, делится на микрополя лексических средств выражения фактивного знания и знания-умения. В своей работе мы представим небольшой фрагмент данной семантической зоны – микрополе глаголов фактивного знания. К лексемам, обслуживающим фактивное микрополе русского языка, относятся глагол *знать* в значении «обладать сведениями о чём-либо» (МАС) и устаревший стилистически маркированный глагол *ведать*.

Анализ литературы по исследуемой проблеме показывает, что лингвисты по-разному оценивают значение глагола *знать*. Рядом исследователей 'знание' стало определяться как включающее в свой состав 'мнение' (belief) либо как содержащее общий с мнением компонент – чувство уверенности. Подтверждение этой точки зрения можно найти в работе М.А. Дмитриховской «Проблема знания»: «В ментальных состояниях мнения и знания нет различий» [7, с. 14]. Ю.Д. Апресян также склонен считать, что «смыслы '*знать*', '*понимать*', '*верить*' внутренне настолько близки друг другу, что их конкретное воплощение в живой речи скользит от одного смысла к другому» [2, с. 267]. Нам представляется спорной эта точка зрения, ср.: *знать расписание поездов, понимать расписание поездов*. Дистрибутивный анализ показывает, что данные глаголы имеют разное лексическое значение.

Е.В. Падучева отмечает, что «...слова с компонентом '*знание*' противопоставлены не только предикатам мнения, но и многим другим семантическим классам предикатов с пропозициональными актантами – глаголам говорения, побуждения, каузации и другими» [10, с. 76].

А.Д. Шмелёв справедливо утверждает, что неадекватным «является такое представление предикатов знания, при котором их семантика приравнивается к семантике предикатов '*мнение*' плюс '*фактивность*», то есть к семантическому компоненту глагола *знать* 'знание фактов действительности' добавляется семантический компонент 'иметь мнение' [4, с. 56].

Нет у лингвистов и единого мнения относительно места глагола *знать* в глагольной системе современного русского языка. Е.Э. Разлогова относит предикаты знания к когнитивным, эпистемическим (*знать, считать* и т.п.). Е.В. Падучева относит их к ментальным глаголам, глаголам ментального состояния (states) (*знает, понимает, ждёт, осознает* и др.). Н.Д. Арутюнова относит данный глагол к группе интенциональных глаголов, которые «...обозначают психические акты, ... могут иметь в роли дополнения только пропозиции или имена пропозитивного значения, а в качестве своего субъекта – имена со значением живых существ» [3, с. 114]. Н.Д. Арутюнова ставит глагол *знать* в один ряд с глаголами говорения, мышления, памяти, суждения и др.

Наиболее удачной нам представляется точка зрения академика Ю.Д. Апресяна, который относит глагол *знать* к фактивным предикатам, обозначающим знание, то есть информацию о факте, хотя и добавляет, что глагол «...*знать* лежит на границе стативов и фактивов» [2, с. 67]. От фактивов глагол *знать* наследует способность управлять не только придаточными предложениями, вводимыми союзом *что*, но и придаточными предложениями с вопросительными словами *что, кто, откуда*, включая вопросительную частицу *ли*. От стативов глагол *знать* наследует несочетаемость с глаголами типа *заниматься* и *делать* [2, с. 74].

По классификации американского лингвиста У. Чейфа глаголы знания относятся к классу предикатов «процессов-действия», где субъект – агенс, то есть активно действующий, партиципент.

В «Большом толковом словаре русских глаголов» (Екатеринбург, 2008) под редакцией Л.Г. Бабенко глаголы знания входят в подполе «интеллектуальная деятельность» поля «действие». Такой же точки зрения придерживается Н.Ю. Шведова. По её классификации, предложенной на IX Международном съезде славистов в 1983 г., анализируемые глаголы входят в класс глаголов интеллектуальных действий. Эта классификация представляется нам наиболее удачной.

Глагол *знать* многозначен, но он обладает значением фактивности, когда предполагает «истинность вводимой им пропозиции, в том числе и суждения, скрывающегося за косвенным вопросом, потому может сочетаться с косвенно-вопросительными придаточными, что сообщение о том, что субъекту известно действительное положение дел, даже если мы не конкретизируем, в чём именно состоит это положение дел» [4, с. 39]. Английский лингвист Вендлер высказал мнение, основанное на сопоставлении фактивных / нефактивных английских глаголов типа *know* 'знать', *tell* 'сообщать' и *believe* 'верить', что «возможность совстречаемости с косвенными вопросами является наиболее надёжным грамматическим показателем фактивности» [6, с. 127].

Нам представляется возможным добавить к фактивным глаголам *знать*, *ведать* синонимичные им глагольные перифразы *иметь информацию*, *обладать информацией*, *владеть сведениями*, *располагать данными*, например: *Хрущёв знал, что Ромжа располагает информацией о положении в руководящих кругах Украины и планировавшихся мероприятиях по подавлению украинского националистического движения* (А. Судоплатов. Тайная жизнь генерала Судоплатова).

Следовательно, лексическая микросистема, описывающая ситуацию обладания фактивными знаниями, представлена следующими единицами: *знать*, *ведать*, *иметь сведения*, *обладать информацией*, *владеть информацией*, *располагать данными*.

Анализируя внутреннее устройство данной глагольной микросистемы, можно заметить, что глаголы *знать* и *ведать*, составляющие синонимический ряд с доминантой *знать*, не отличаются друг от друга семантическими компонентами значения; анализ словарных помет и типовых контекстов употребления показывает, что они неоднородны лишь в стилистическом плане. Глагол *ведать* стилистически маркирован, относится к устаревшим словам и используется в языке с целью создания торжественности, приподнятости повествования или же в целях исторической стилизации, ср.: *А что будет впредь, о том ведает токмо Господь. Всё в руках его* (Балашов. Святая Русь); *Алексей, как ни привязан был к милой своей Акулине, всё помнил расстояние, существующее между ним и бедной крестьянкой; а Лиза ведала, какая ненависть существовала между их отцами, и не смела надеяться на взаимное примирение* (Пушкин. Барышня-крестьянка).

Лексический класс средств выражения фактивности имеет общую для их значения архисему 'обладание фактами', типовую лексическую сочетаемость, и это позволяет отнести данные лексические единицы к одной микросистеме. Различная модель управления (*знать что* и *знать о чём*) даёт возможность распределить их по разным дистрибутивно-семантическим классам (ДСК). Под ДСК мы понимаем объединение «семантически близких лексико-семантических вариантов признаковой семантики с одинаковой синтаксической и типовой лексической сочетаемостью» [9, с. 8].

Первый ДСК фактивных глаголов составляют лексемы *знать* и *ведать*, перифразы *иметь информацию*, *обладать сведениями*, *владеть информацией* и *располагать данными* с моделью управления *о чём*, например: *Я знал, конечно, о земстве, но что значит «повезут на вороньих», не понял* (Павлов. Воспоминания металлурга).

Как известно, каждый ДСК лежит в основе определённого структурно-семантического типа предложения. Схему структурно-семантического типа предложения, в основе которого лежит данная микросистема, можно представить в виде следующей модели: $N_1 + V_f + N_6$ (*Он знает о готовящемся празднике*).

Второй ДСК формируют глаголы *знать*, *ведать* с дистрибутивным признаком *что*, например: [И. Хакамада] – *Я прекрасно знаю все наши просчёты, но отчаянно доказываю, что у нас есть потенциал* («Коммерсант», 2007, № 3). Схему структур-

но-семантического типа предложения, в основе которого лежит данный ДСК, можно представить в виде следующей формулы: $N_1 + Vf + N_4$.

Единицы данной микросистемы отличаются друг от друга стилистической маркированностью / немаркированностью. Стилистически нейтральным является глагол *знать*. Глагол *ведать* даётся как устаревший (МАС), находящийся на периферии словарного состава русского языка. Фраземы *иметь информацию*, *владеть информацией*, *обладать сведениями* явно тяготеют к официально-деловому стилю речи, например: *иметь информацию о готовящемся перевороте в стране из достоверных источников*, например: *Абакумов располагал информацией, что архиепископ Ромжа активно сотрудничает с главарями бандеровцев* (А. Судоплатов. Тайная жизнь генерала Судоплатова).

Для анализируемой нами ситуации обладания фактивным знанием характерны следующие семантические компоненты (актанты): субъект – 'тот, кто обладает фактивным знанием', объект-1 – 'информация; то, что знает субъект', объект-2 – 'источник фактивного знания'. Эти актанты полностью описывают ситуацию фактивного знания. Именно глагол определяет, что собой будет представлять остальная часть предложения, какие существительные будут сопровождать глагол, какое отношение к нему будут иметь эти существительные и как эти существительные будут определяться в семантическом отношении.

Сочетаемость возможностей анализируемых глаголов зависит от их семной структуры. Дифференциальные семы отражают различие данных глаголов и определяют их валентность, те позиции (актанты), с которыми сочетаются данные глаголы. Под валентностью мы понимаем потенциальную способность языковой единицы сочетаться с другими единицами языка. В основе валентности, согласно Ю.Д. Апресяну, лежит семантический анализ ситуации, с которой соотносится данное слово. «На валентный статус может претендовать любой необходимый участник ситуации, который выражается в предложении при данном слове» [2, с. 13].

Для описываемой нами ситуации характерен субъект действующий, активный – агент. «Способность существительного быть агентом зависит от его семантической характеристики как предмета, у которого есть потенция, сила делать что-то, предмета, который имеет свою собственную силу» (Чейф). В качестве типовых позиций для глаголов фактического знания выделяются позиция субъекта, объекта, источника знаний. Позиция субъекта и объекта является обязательной для данных глаголов, а позиция источника знаний факультативна. Как справедливо заметил Ю.Д. Апресян, особенностью анализируемых глаголов является их возможная двусубъектность, например: *Мы с сестрой знали, что завтра приезжает отец*.

Позицию субъекта при глаголе *знать* замещают имена существительные, одушевлённые, собственные и нарицательные, обозначающие человека, подтверждая справедливость мысли И.В. Сентенберга о том, что «лексическое значение глагола определяет форму и способ бытования семантического субъекта. Семантический объект определяет и уточняет процессуальный признак» [11, с. 108].

Позиция объекта-1, называющего тему, замещается чаще всего именем существительным в форме предложного падежа с предлогом *о*: *знать о приезде сына, иметь сведения о заговоре военных*.

Позиция объекта-2 *от кого*, обозначающая источник фактивного знания, открыта для: 1) имён существительных, собственных и нарицательных, одушевлённых, обозначающих человека (*знал от Андрея, от сестры*); 2) местоимений (*знал от него*).

Позиция объекта-2 *из чего*, обозначающего неодушевлённый источник фактивного знания, открыта для имён существительных нарицательных, служащих для названия специализированного источника фактивного знания – газеты, журнала, агентства, СМИ.

Как и для всех глаголов, для фактивов характерна адвербиальная сочетаемость, которая уточняет качественные, темпоральные и локальные характеристики процессуального признака. Адвербиальная сочетаемость глагола *знать* достаточно полно описана Ю.Д. Апресяном в «Новом объяснительном словаре синонимов». Нам хоте-

лось бы добавить к указанной в словаре адвербиальной сочетаемости, что фактивные лексемы *знать, ведать* сочетаются также:

1) с наречиями и адвербиальными фразами, указывающими на интенсивность процесса – *нужно знать позарез, до смерти*, например: *Нам п о з а р е з н а д о было з н а т ь, как быстро американцы смогут перебросить подкрепления в Европу в случае, если «холодная» война перерастёт в «горячую»* (А. Судоплатов. Тайная жизнь генерала Судоплатова);

2) с наречиями и адвербиальными фразами, указывающими на источник фактивных знаний – *знать по слухам, по разговорам, понаслышке*;

3) с наречиями, указывающими на степень важности фактивных сведений – *важно, неважно знать*.

Проанализировав лексические единицы микросистемы фактивного знания и их перифраз, можно сделать вывод, что парадигматические и синтагматические характеристики глаголов данной микросистемы взаимосвязаны: глаголы *знать, ведать* и их перифразы, сходные по семной структуре, имеют сходную валентность и возможности функционального использования.

ДСК глаголов микрополя «Фактивное знание» лежат в основе определённых структурно-семантических типов предложений, что ещё раз свидетельствует о неразрывной взаимосвязи лексического и синтаксического уровней языка. Эту точку зрения разделяет профессор Н.Д. Арутюнова, утверждая, что «синтаксические связи в предложении столь же семантичны, сколь синтаксично лексическое значение глагола» [3, с. 290].

Список литературы

1. Алефиренко Н. Ф. Современные проблемы науки о языке / Н. Ф. Алефиренко. – Москва : Флинта : Наука, 2005. – 416 с.
2. Апресян Ю. Д. Избранные труды. Лексическая семантика. Интегральное описание языка и системная лексикография / Ю. Д. Апресян. – 2-е изд. – Москва : Школа «Языки русской культуры», 1995. – 975 с.
3. Арутюнова Н. Д. Предложение и его смысл / Н. Д. Арутюнова. – Москва : Наука, 1976. – 394 с.
4. Булыгина Т. В. Ментальные предикаты в аспекте аспектологии // Логический анализ языка. Проблемы интенциональных и прагматических контекстов / Т. В. Булыгина, А. Д. Шмелев. – Москва : Наука, 1995. – С. 56–64.
5. Васильев Л. М. Современная лингвистическая семантика / Л. М. Васильев. – 2-е изд. – Москва : Высшая школа, 2005. – 175 с.
6. Вендлер А. Философия. Логика. Язык / А. Вендлер. – Москва : Наука, 1987. – 217 с.
7. Дмитриевская М. А. Знание и мнение: образ мира, образ человека // Логический анализ языка. Знание и мнение : сб. ст. / М. А. Дмитриевская. – Москва : Наука, 1988. – С. 21–29.
8. Кузнецова Э. В. Лексико-семантическая группа глаголов и семантические модели предложения / Э. В. Кузнецова // Классы глаголов в функциональном аспекте. – Свердловск : Изд-во Урал. ун-та, 1990. – С. 4–13.
9. Москвин В. П. Семантика и синтаксис русского глагола / В. П. Москвин. – Киев, 1993. – 246 с.
10. Падучева Е. В. О семантике синтаксиса. Материалы к трансформационной грамматике языка / Е. В. Падучева. – 2-е изд. – Москва : Наука, 1997. – 292 с.
11. Сентенберг И. В. Глагольный синонимический ряд как средство дифференцированной процессуальной номинации // Оносемасиологические аспекты семантики : сб. ст. / И. В. Сентенберг. – Волгоград : Перемена, 1993. – С. 107–114.
12. Слесарева И. П. Проблемы описания и преподавания русской лексики / И. П. Слесарева. – 2-е изд. – Москва : Наука, 2000. – 147 с.
13. Шмелев Д. Н. Синтаксическая членимость высказывания в современном русском языке / Д. Н. Шмелев. – Москва : Наука, 1976. – 217 с.

References

1. Alefirenko N. F. *Sovremennye problemy nauki o yazyke*. Moscow, Flinta, Nauka, 2005, 416 p.
2. Apresyan U. D. *Isbrannye trudi. Lexicheskaya semantika. Integralnoe opisanie yasika b sistemnaya leksikografiya*. 2nd ed. Moscow, Shkola "Yasiki russkoi kulturi", 1995, 975 p.
3. Arutyunova N. D. *Predlozhenie i ego smisl*. Moscow, Nauka, 1976, 394 p.
4. Buligina T. V., Shmelev A. D. *Mentalnie predikati v aspektologii // Logicheskii analiz yasika. Problemi intensionalnih i pragmaticheskikh kontekstov*. Moscow, Nauka, 1995, pp. 56–64.
5. Vasiliev L. M. *Sovremennaya lingvisticheskaya semantika*. 2nd ed. Moscow, Vishaya shkola, 2005, 175 p.
6. Vendler A. *Philosophiya. Logika. Yazyk*. Moscow, Nauka, 1987, 217 p.
7. Dmitrovskaya M. A. *Znanie i mnenie: obraz mira, obraz cheloveka // Logicheskii analiz yazika. Znanie i mnenie*. Moscow, Nauka, 1988, pp. 21–29.
8. Kuznetsova E. V. *Lexiko-semanticheskaya gruppa glagolov i semanticheskie modeli predlozheniya // Klassi glagolov v funktsionalnom aspekte*. Sverdlovsk, Ural University Publ., 1990, pp. 4–13.
9. Moskvin V. P. *Semantika i sintaxis russkogo giagola*. Kiev, 1993, 246p.
10. Paducheva E. V. *O semantike sintaxisa. Materiali k transformatsionnoi grammatike yazika*. 2nd ed. Moscow, Nauka, 1997, 292 p.
11. Sentenberg I. V. *Glagolnii sinonimicheskii ryad kak sredstvo differentsirovannoi protsessualnoi nominatsii // Onosemasiologicheskie aspekti semantiki*. Volgograd, Peremena, 1993, pp. 107–114.
12. Slesareva I. P. *Problemi opisaniya i prepodavaniya russkoi leksiki*. 2nd ed. Moscow, Nauka, 2000, 147 p.
13. Shmelev D. N. *Sintaksicheskaya chlenimost viskazivaniya v sovremennom russkom yasike*. Moscow, Nauka, 1976, 217 p.

**ОСОБЕННОСТИ СМЫСЛОВОЙ РЕАЛИЗАЦИИ ФРАЗЕМ
В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ДИСКУРСЕ ТАТЬЯНЫ УСТИНОВОЙ**

Глухова Наталья Викторовна, аспирант, Астраханский государственный университет, 414056, Россия, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а, e-mail: nataljagluhova@gmail.com.

В статье рассматриваются особенности смысловой реализации фразем разных функциональных стилей (книжного, разговорного и нейтрального) в дискурсе романов Т.В. Устиновой. Предметом исследования выступают специфические свойства смысловой и стилистической реализации фразеологического значения. Основная цель заключается в исследовании функциональных особенностей различных стилистических пластов русской фраземики в художественном дискурсе Т. Устиновой. При изучении данной темы используются описательный метод, метод дистрибутивного анализа, метод компонентного анализа А. Вежицкой, метод контекстуального анализа Н.Н. Амосовой. В результате комплексного анализа можно говорить о том, что фраземы разных стилей способны трансформироваться в контексте художественного дискурса, причем трансформация зависит от предпочтений и замысла автора. Таким образом, в процессе речевой реализации фраземы создается её своеобразный когнитивно-коммуникативный фон, который способствует актуализации её ассоциативных связей с предыдущими фрагментами речемыслительного акта. С одной стороны, эти ассоциативные связи обусловлены структурой коммуникативно-прагматической ситуации, а с другой, порождают фразеосемантическое варьирование.

Ключевые слова: фразема, дискурс, трансформация, фразеосемантическое варьирование